

НОРМАННЫ И ТЮРКИ-СЕЛЬДЖУКИ НА ВОСТОКЕ В XI–XII вв.

© 2024

В. В. Прудников¹

В статье рассматриваются сведения средневековых авторов (армянских, византийских, латинских), которые могут пролить свет на результаты взаимодействия норманнов и тюрок-сельджуков. По мнению историков, именно представителям этих двух социально-этнических сообществ довелось сыграть огромную роль в исторических событиях, которые происходили на Востоке в XI–XII вв. В качестве примера можно привести первый крестовый поход, который, как известно, был вызван в том числе и активными завоеваниями тюрок-сельджуков.

Ключевые слова: Норманны, тюрки-сельджуки, первый крестовый поход

Для цитирования: Прудников В. В. Норманны и тюрки-сельджуки на Востоке в XI–XII вв. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 209–214. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-209-214

NORMANS AND SELJUK TURKS IN THE EAST, THE ELEVENTH — TWELFTH CENTURY

Vitaly V. Prudnikov

The article provides information from medieval authors (Armenian, Byzantine, Latin), which can shed light on the results of the interaction between the Normans and the Seljuk Turks. According to historians, it was the supporters of these two socio-ethnic communities who played an important role in the historical events that led to expeditions in the East in the eleventh-twelfth century. In this case, it is possible to carry out the first crusade, which, as is known, was caused, among other things, by the active conquests of the Seljuk Turks.

Keywords: Normans, Seljuk Turks, first crusade

For citation: Prudnikov V. V. Normans and Seljuk Turks in the East, Eleventh — Twelfth Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 209–214. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-209-214

В XI в. цивилизация средневекового Запада перешла от обороны к территориальной экспансии, которая развернулась уже за границами католических государств. Авангардом и наиболее активными проводниками этого движения выступили норманны. Воспитанная в духе завоевательных традиций первых норманнских герцогов, норманнская аристократия искала возможности для агрессии по всей Европе. В 1016 г. норманны впервые появились на юге Италии и в течение нескольких десятилетий превратились в доминирующую политическую, военную и социальную силу. В 1040 г. пошли в наступление на владения византийцев в Апулии. А в 1071 г. они захватили последний оплот византийцев в Южной Италии — город Бари.

¹ Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; gviskar@mail.ru

Vitaly V. Prudnikov, PhD (Hist.), Senior Research Fellow of Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; gviskar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0355-2324

Оттуда норманны продолжают осуществлять завоевательные походы в восточном направлении: в 1081–1085 гг. была сделана неудачная для норманнов попытка завоевания Балканских провинций Византии, также норманнам удалось создать в северной Сирии Антиохийское княжество в эпоху первого крестового похода. В западном Средиземноморье норманны установили своё господство над островом Сицилия, а также на время закрепились в Северной Африке.

На фоне столь блестящих завоеваний особый интерес представляют попытки норманнов утвердиться в Малой Азии, где они появляются за десятки лет до объявления первого крестового похода в качестве наёмников на службе византийской империи. В этот исторический период регион становится объектом притязаний других завоевателей, вышедших из глубин Средней Азии, — тюрков-сельджуков.

Согласно данным армянских источников, впервые тюрки-сельджуки проникают в Малую Азию в 1016 г. Как рассказывает Матфей Эдесский, против появившегося в Васпуракане тюркского отряда выступил царевич Давид, но вынужден был отступить [Armenia, 1993, p. 43]. В частности, он говорит, что жители Малой Азии «до этого никогда не видели тюркскую конницу. Когда же увидели, то были поражены их внешним видом. Ведь это были лучники с распущенными, как у женщин, волосами» [Armenia, 1993, p. 40–43]. Однако полномасштабное нашествие сельджуков на Малую Азию началось в 1047/48 г. К этому времени огузские племена уже представляли собой значительную силу. Во главе стояли Тогрул-бек Мухаммад и Чагры-бек Давуд — внуки Сельджука, а также их дядья Ибрахим Янал и Кутулмыш. Они нанесли поражение династии Газневидов. В августе 1038 г. тюрки заняли Нишапур, и с тех пор имя Тогрул-бека произносилось в городе во время пятничной молитвы.

22 мая 1040 г. последний Газневид Масуд в битве при Данданакане потерпел поражение от сельджуков. Значительные массы огузов двинулись к Азербайджану, вторглись в Армению и Верхнюю Месопотамию. Со временем это нашествие перешло в иное качество — в 1071 г. после поражения византийского войска в битве при Манцикерте. Это сражение послужило основой легитимации новых владений участников сражения сельджукских эмиров, которые заложили основы многих династий в Малой Азии: Данышмендидов, Салтукидов, Менгучаков и др.

Автор эпохи крестовых походов Вильгельм Тирский сообщает следующее о ранних этапах экспансии тюрков-сельджуков: «Нация турок или туркоманов (ибо все они имеют общее происхождение) была, в общем-то, скопищем совершенно варварских северных народов без определенного пристанища. Бродяги-турки скитались здесь и там в поисках хороших пастбищ, не имея при этом ни городов, ни поселений, ни постоянной столицы. Когда они хотели отправиться в путь, то вместе собиралось все племя, поставив у себя во главе самого известного среди них человека, который был у них чем-то вроде князя, так как он разбирал все споры и разногласия, возникающие в племени, и обе стороны, обратившись к нему, подчинялись его решению, и никто из них не мог безнаказанно нарушить этот приговор. Во время своих переездов они везли с собой все их богатство, их табуны, все самое необходимое, а также скот и рабов, мужчин и женщин: все это и составляло их имущество. К тому же они никогда не занимались земледелием; ибо они полностью отрицали операции купли и продажи и добывали все насущное для существования путем обмена. Когда они намеревались установить свои шатры в стране с хорошими пастбищами, то тогда они посылали нескольких наиболее мудрых людей из их племени к князю той страны, куда они пришли; они заключали договор на взаимовыгодных условиях, обязуясь платить князю некоторую оговоренную сумму, а затем оставались там на этих условиях, живя посреди пастбищ и лесов» [Guillaumus Tyrensus Archiepiscopus, 1855, т. I, p. 220].

Далее он рассказывает, как сельджуки нашли «полностью подходящую для них страну» «Персию», в которой после некоторого времени осознали, «что не уступают ни в числе, ни в силе ни Персии, ни какой-либо другой державе и что для того, чтобы захватить соседние страны, им не хватает только лишь короля, которого имели все остальные народы». С помощью жребия они выбрали себе правителя по имени Сельджук, который «был очень уважаемым человеком, знатным и известным в своем племени, уже пожилым, но сохранявшим все еще всю свою силу; у него был большой военный опыт, и благодаря своей прекрасной наружности он имел величие князя». И уже после этого «презренный и гнусный народ так быстро достиг самой высокой степени могущества и владычествовал на всем Востоке» [Guillaumus Tyrensis Archiepiscopus, 1855, т. I, р. 222].

Вполне возможно, что первая встреча норманнских рыцарей с тюрками-сельджуками произошла именно в Малой Азии. Как известно, первые отряды норманнских наёмников появляются в Византии после 1038 г. — их привёл с собой из Южной Италии византийский полководец Георгий Маниак после военной кампании на Сицилии.

Как же складывались отношения норманнских наемников и тюрков-сельджуков в Малой Азии? Попробуем разобраться на примере норманнского предводителя Жерве Франкопулоса и тюркского вождя Самуха, который приводится в византийских источниках. Итак, Жерве Франкопулос, «добившись разрешения от императора отправиться домой, переправился на Восток и отправился в Дабарам провинции Армениак, где находился его дом. Договорившись с некими франками, размещёнными на зимовку, из трёхсот своих приверженцев составил отряд в Мидии и тогда же заключил союз для ведения войны против ромеев с Самухом. Этот союз просуществовал бы дольше, если бы между турками и франками не началась вражда, поскольку эти два народа строили друг против друга козни. Так, Самух делал вид, что придерживается союза, а Жерве, будучи всегда подозрительным, ожидал внезапного нападения со стороны турок. Поэтому и своих всегда побуждал не расслабляться, но спать вооружёнными. Между тем, сколько бы Самух ни скрывал своих намерений, его коварство вскоре обнаружилось. Однажды со всеми своими вооружёнными турками на завтракавших франков напал, но поскольку те что-то подобное ожидали, тотчас на коней, которых их предводитель приказывал держать наготове, вскочили и навстречу туркам выехали. И случилась жестокая битва с турками, самая жестокая из всех бывших, в которой турки были разбиты. Большая часть их была перебита, а оставшиеся пешими и беззащитными в Хлеат бегством спаслись. Жерве, возвратившись из погони за врагами, уговаривал своих в лагерь отступить. Они же настаивали на том, чтобы в город войти, (ибо тамошний эмир был с ними в союзе и мире), в бане силы восстановить и смыть с себя кровь после битвы. Жерве страстно их от этого отговаривал и настойчиво умолял их отложить своё желание, чтобы слишком не доверяли клятве людей чужой веры и народа. И так уговаривая, сам искренне мучился тем, что множество христиан погибнет. Но когда убедился, что поёт песни глухим, стал часто их предупреждать, чтобы, войдя в город, хранили бдительность и всегда держали оружие под рукой. Но франки, войдя в Хлеат, увещаниями Жерве пренебрегли и омовениям, попойкам и пиршествам предались. Между тем эмир города Апонасар, дело с Самухом и соплеменниками обсудив, приказал, чтобы по данному им сигналу чужеземных гостей схватить, а если это не удастся, то перебить. После того, как франки, пресытившись наслаждениями, легли спать, по данному сигналу одни из них были перебиты, другие схвачены, некоторые, которым удалось спрыгнуть со стены, убежали. Жерве был схвачен и связан. Лишь только это случилось, эмир императору через послов сообщил о своём к нему расположении и что сам, такие коварные дела совершив, готов их умертвить, а предводителя их держать в плену» [Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae, 1839, р. 616–619].

Авторство этого отрывка предположительно принадлежит Иоанну Скилице [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 484–486]. Он описывает раздоры между врагами империи — норманнами и тюрками, но симпатизирует не «коварным» тюркам, а норманнам-христианам. Будучи византийским чиновником, он ясно видел противоречия между враждебно настроенными друг против друга норманнами и тюрками, поэтому неприкрыто занял сторону норманнов как единоверцев.

Исключительная вера в своё превосходство заставляет воскликнуть анонимного норманнского хрониста первого крестового похода: «Кто настолько умён и образован, чтобы описать мудрость, воинственность и могущество тюрков? Они думали утратить племя франков своими стрелами, как до этого запугали арабов, сарацин и армян, сирийцев и греков. Более того, если Бог позволит, никогда они в силе с нами не сравнятся» [Histoire anonyme, 1924, p. 50–51].

Далее Аноним говорит об общем происхождении норманнов и тюрков! «Однако они утверждали, что ведут свой род от франков и что не существует другого такого человека, который по-настоящему являлся бы рыцарем, кроме франков и тюрков» [Histoire anonyme, *ibid*]. Наивысшая похвала из уст норманна. Никого из вышеперечисленных народов — арабов, сарацин и армян, сирийцев и греков он не поставил бы рядом с собой, кроме тюрков-сельджуков!

Конечно, Аноним сомневается в том, что тюрки происходят от норманнов, но в одном он уверен точно: «Истину говорю, и кто бы ни услышал меня, не смог бы возразить, что если бы (тюрки) всегда были тверды в верности Христу и святому христианству... ..никто не смог бы превзойти их ни в могуществе, ни в силе, ни в воинской доблести» [Histoire anonyme, 1924, *ibid*].

Таким образом, безымянный норманнский рыцарь видит в тюрках-сельджуках равных себе по социальному положению и доблестям воинов, но считает себя выше их, потому что он является христианином. Вслед за Анонимом ряд хронистов первого крестового похода наперебой говорят о благоразумии, воинственности, храбрости и могуществе тюрков; отмечают превосходство сельджуков в обращении с луком и стрелами и намекают на общее с франками происхождение [Tudebod, 1866, p. 27–28; Guiberti, 1869, p. 162; Baldrici, 1869, p. 35–36]. Также вслед за Анонимом единственным недостатком тюрков считают только принадлежность сельджуков к иной религии.

Другой норманнский автор — Гауфред Малатерра вкладывает следующие слова в уста сицилийского графа Рожера: «Не бойтесь многочисленности тех, кто однажды уже были вами побеждены. Ибо если правитель сменится, то не только его же народа, качеств, но даже его религии все прочие станут придерживаться. Наш Бог неизменный есть, и если его ожиданий в безупречной верности нашей не обманем, то и его желание даровать нам победы останется неизменным» [Malaterra, 1928, p. 50].

Этот отрывок очень важен для понимания религиозных представлений норманнов. В представлении Малатерры существует концепция Бога-творца, благодаря которому существует всё сущее. Бога-правителя, “всемогущего Бога Богов”, который распределяет власть среди своих “верных”. Также Бог у Малатерры “неизменный есть”, т. е. неизменный в стремлении и впредь даровать норманнам победы над их врагами, если они будут хранить ему “верность”.

В данной концепции мусульмане — тюрки-сельджуки и сицилийские арабы — являются «неверными», нарушившими клятву верности, данную «сеньору Богу». Соответственно, по мнению норманнских авторов, чтобы стать «своими» для норманнов в полном смысле этого слова, мусульманам необходимо было перейти в христианство, что являлось для норманнов самым лучшим свидетельством их лояльности.

Аноним передаёт, что после взятия Антиохии тюркский военачальник «заключил соглашение с сеньором Боэмундом, по которому язычники, желающие принять христианство, останутся вместе с ним, а те, которые хотят уйти, могут [это сделать] целыми и невредимыми. Боэмунд

согласился со всем, что просил эмир, и тотчас направил своих воинов в крепость. Несколько дней спустя эмир был окрещен вместе с теми, кто предпочел признать веру христову. Тех же, которые хотели жить по своему закону [вере], сеньор Боэмунд приказал выпроводить в сарацинскую землю» [Histoire anonyme, 1924, p. 158].

Подобная концепция «обращения» присутствует у норманнского хрониста, освещавшего завоевание Сицилии. У Малатерры данный процесс описан следующим образом: «Беседуя с князем Кастроджовани Хамудом, граф Рожер в различных словах об одном говорил: добивался от того сдачи замка и обращения к Христу, дабы через принятие крещения вновь возродился. Вскоре Хамуд, проведая от тех, кто с графом уже сталкивался, что тому фортуна благоволит, а значит совершенно напрасно пытаться его обмануть, стал склоняться к перемене веры. Наконец решился и передал графу, чтобы тот со своим войском к замку явился и его со всеми домашними встретил. Ибо боялся, если станет известно о его намерении замок передать или в католическую веру перейти, то его свои же убьют» [Gaufredus Malaterra, 1928, p. 88].

После обращения мусульман в христианство меняется и отношение Малатерры к арабам, это наглядно видно на примере некоего Элиаса, который «...был новообращённым из сарацинской веры в христианскую и был впоследствии жестоко убит своими собственными людьми в Кастроджовани. Так как он отказался отречься от этой веры и стать отступником, то он, таким образом, окончил свою жизнь наиболее превосходным образом, как мученик» [Gaufredus Malaterra, 1928, p. 90].

По утверждению С. И. Лучицкой, «проблема *conversio*, даже вопреки прямым свидетельствам хроник, занимала свое место в сознании хронистов Первого крестового похода» [Лучицкая, 2001, с. 143]. К этому можно добавить, что подобное утверждение справедливо в отношении норманнского хрониста, повествующего о завоевании норманнами Сицилии. Что касается «реальности *conversio*», существования подобной практики обращения мусульман в католицизм, то приходится признать, что хроники не позволяют дать однозначный ответ. Можно предположить, что ясность поможет внести исследование мусульманских источников.

На основании рассмотренных данных источников можно сделать некоторые выводы. Норманнские предводители в Малой Азии, не имея достаточных сил, вынуждены были заключать союзы с тюрками-сельджуками против Византии. Однако продолжительность такого рода союзов была крайне недолговечна. Другими словами, долговременные союзы между норманнами и тюрками-сельджуками в представлении современников были невозможны. Норманнов и тюрков-сельджуков многое разделяло, но многое и сближало. Они были очень похожи по своей сути: и те, и другие были завоевателями на территориях, принадлежавших Византии, а следовательно, конкурентами и никогда не смогли бы стать партнёрами.

Первоначально норманны приходили в Малую Азию в качестве наёмников Византийской империи. Но оставаться наёмниками честолюбивые предводители норманнов не желали. Зачастую они имели огромный опыт завоевательных кампаний в Испании, Южной Италии и Сицилии, где их соплеменники добились внушительных успехов. Они могли безбедно жить за счёт приобретённых ими в Европе владений. Но высокоразвитая экономически и культурно Византийская империя привлекала их гораздо больше.

Война была их единственным ремеслом, с помощью которого они надеялись приобрести богатства на службе империи, а если повезёт, то и обзавестись обширными владениями за счёт Византии. Последнее становилось возможным вследствие условий, сложившихся в Малой Азии во второй половине XI в.: ослабление Византии и экспансия тюрков-сельджуков.

Столкновение норманнов с тюрками-сельджуками произошло впервые в Малой Азии. Норманнские авторы рассматривали это столкновение как часть «священной войны», которую вели

норманны против мусульман-арабов в Испании и на Сицилии. Однако тюрки-сельджуки разительно отличались от мавров и сицилийских арабов: они приняли мусульманство в XI в. и тогда же приступили к крупномасштабным завоеваниям на Востоке. Норманны недооценили потенциал тюрок-сельджуков, считая своим главным противником на Востоке Византию.

Литература / References

Луцицкая С. И. Образ *другого: мусульмане в хрониках крестовых походов*. М., 2001 [Luchitskaya S. I. *The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades*. Moscow, 2001].

Armenia and the Crusades: tenth to twelfth centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa / translated from the original Armenian with a commentary and introduction by Ara Edmond Dostourian; foreword by Krikor H. Maksoudian. Lanham, 1993.

Baldrici Episcopi Dolensis. *Historia Jerosolimitana. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. Paris, 1869.

Gaufredus Malaterra. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius. Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. T. 5. Bologna, 1928.

Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. *Ope [Compendium historiarum] ab C. F. Niebuhrii, I. Bekkero suppl. et emen.* T. II. Bonn, 1839.

Guillaumus Tyrenus Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. Patrologiae Cursum Completus. Series Latina*. Ed. by J. P. Migne. T. 201. Paris, 1855. Pp. 209–892.

Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. Paris, 1869. Pp. 113–221.

Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum*. Ed. by J. Thurn. Berlin, 1973.

Histoire anonyme de la première croisade, texte établi et traduit par L. Brehier. Paris, 1924.

Peter Tudebod. *Historia de Hierosolymitano Itinere. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome troisième. Paris, 1866.